

УДК: 94 (476)

Н.П. Галимова, Л.В. Лавренко

БРЕСТСКАЯ ЕПАРХИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ (1945–1960-е гг.)

В статье на основе различных историографических источников и, в первую очередь, архивных материалов, дается глубокий анализ основных аспектов религиозной жизни Брестской епархии в 1945–1953 годах. Определяются особенности деятельности Брестской епархии среди населения не только через церкви и молитвенные дома, но и в населенных пунктах. Освещаются вопросы религиозности населения и то, как она проявлялась. Особое место в статье уделяется деятельности священнослужителей, их взаимодействию с советской властью. На основе фактического материала раскрывается отношение советской власти к религиозным деятелям и Православной церкви в целом.

Введение

Окончание Великой Отечественной войны принесло надежды на новую, более справедливую и лучшую жизнь. Жители Беларуси ожидали отмены жестоких предвоенных и военных законов, крестьяне рассчитывали на послабление налогового пресса, интеллигенция надеялась на смягчение политического режима. В страну вернулось более 15 млн. советских граждан – воинов Красной Армии, репатриантов, которые видели условия жизни в других странах. И это также накладывало свой отпечаток на послевоенную общественную атмосферу.

В послевоенный период руководство страны в ряде своих постановлений проявляло лояльное отношение к деятельности Православной церкви. Епархиальные управления и приходы получили возможность покупать и строить дома, приобретать транспортные средства, производить необходимую церковную утварь. В скором времени Православная церковь получила ограниченное право юридического лица (август 1945 г.). Теперь органы церковного управления имели возможность заключать сделки, иметь финансовые счета, открывать предприятия и нанимать работников. Но, несмотря на некоторое «потепление», отношение государства к Церкви продолжало характеризоваться строгостью.

После смерти И.Сталина (5 марта 1953 г.) завершилась целая эпоха в жизни страны и в истории взаимоотношений Церкви и государства. Новый этап в жизни общества был связан с Н.С. Хрущевым. В феврале 1956 г. на XX съезде Н. Хрущев определил курс на демократизацию общества, но в тоже время в конце 50-х – начале 60-х гг. началась массовая антирелигиозная кампания, в ходе которой в Беларуси было закрыто более 600 храмов. Общественно-политическая жизнь в Беларуси во многом определилась лозунгами, сформулированными на партийных съездах. А как жили в этот период верующие люди, какие особенности были в развитии Брестской епархии, что собой представляли основные аспекты религиозной жизни населения данного региона?

Религиозная жизнь Брестской епархии

Деятельность Церкви значительно оживилась после окончания Великой Отечественной войны. Люди, перенесшие тяготы оккупации, потерявшие своих близких, потянулись в храмы в поисках утешения. Большая часть населения Западной Беларуси была религиозной. Исключение составляли те, кто старался продвинуться по службе. Большинство верующих проживало в сельской местности. Даже в домах коммунистов и комсомольцев сохранялись иконы, а их родные не утратили живой связи с Церковью.

«Большинство населения Брестской области – люди верующие и преданные Русской православной церкви; Великая Отечественная война заметно укрепила и углу-

била веру православных людей», – докладывал один из священнослужителей о состоянии церковной жизни [1, л. 13].

Благочинный Жабинковского округа в годовом отчете епархиальному управлению писал, все священники говорят о большей посещаемости храмов прихожанами, об увеличении числа треб и более благовейном и чинном состоянии в храме, браки венчаются в церкви, крестят младенцев все, причем часто приходится крестить и уже больших детей, погребения без священников редки [1, л. 14].

Оживление внутрицерковной жизни отмечали благочинный Пружанского района протоиерей В. Пиленкевич, благочинный Антопольского района священник А. Левицкий (в его благочинии после войны не было случаев «отхождения» от Церкви). Протоиерей А. Мороз (Березовское благочиние) уточнял, что в его приходах значительно возросло уважение к духовенству [1, л. 18].

Сложной была религиозная ситуация в крупных городах, глубоко «расцерковленной» оказалась новая советская интеллигенция, а также часть рабочих, в основном это были молодые люди. Отрицательным явлением в городах и местечках в рамках религиозной жизни стало устройство базаров в воскресные дни, во время совершения богослужения.

В послевоенные годы в Западную Беларусь прибыло большое количество специалистов различных отраслей хозяйства из Восточной Беларуси и России. Едва прибыв, они спешили крестить своих детей. По словам священнослужителей, к ним нередко обращались с просьбой совершить крещение дети коммунистов, а комсомольцы часто бывали кумовьями. В это время на территории епархии на каждом перекрестке дорог и на въезде в деревню стояли деревянные кресты.

Непростой была ситуация с духовной литературой. Верующие пользовались изданиями, вышедшими в межвоенной Польше. Это были различные молитвословы, сборники акафистов. Журнал Московской Патриархии распространялся в Брестской области в количестве 150 экземпляров, в Пинской – 90. Его читателями были духовенство и члены их семей. До простых верующих журнал практически не доходил. По данным епархиального управления, в Брестской области на 1 января 1947 г. православных верующих насчитывалось 226500 человек, что составляло 73% к числу совершеннолетнего населения [2, л. 28].

До 1948–1950 гг. деятельность православного духовенства в Брестской области осуществлялась среди населения не только через церкви и молитвенные дома, но и по населённым пунктам, на полях и реках. Несмотря на налоговое бремя религиозность среди населения росла. Для сравнения: если на 1-е января 1946 г. крещений было зарегистрировано – 4900, венчаний – 500, похорон – 5100, то на 1 января 1947 г. крещений – 6429 (рост на 31,2%), венчаний – 2105 (рост на 120%) [1, л. 18]. В начале 1946 г. работники отдела пропаганды ЦК КПБ(б) ознакомились с деятельностью православной церкви в Брестской области, и 26 января 1946 г. руководитель лекторской группы ЦК КПБ(б) И. Кожар в докладной записке на имя первого секретаря П. Пономаренко отметил активизацию религиозной жизни в Брестской области.

Религиозность населения проявлялась также в невыходах на работу во время больших церковных праздников. В Пасхальные дни все церкви буквально были переполнены людьми. Были попытки среди духовенства пробраться и на общественные трибуны (выступление священника Дюкова в городе Высокое в 1946 г. на митинге в день Октябрьской революции; активное участие священника Ленко в г.п. Ивацевичи на родительских собраниях в школах в 1946–1948 гг.) [3, л. 1]. Хождение с крестами и иконами по полям и крестные ходы на водосвятие к источникам, освящение скота, масовые обходы домов – всё это имело большое распространение в области до сплошной коллективизации.

В начале рассматриваемого периода ведущую роль во всех областях церковной деятельности играло на местах духовенство. В большинстве церковных общин, особенно в сельской местности, церковные советы и ревизионные комиссии служили придатком к священнику, который фактически осуществлял не только духовную сторону деятельности церкви, но и бесконтрольно распоряжался материальными средствами церкви, при этом формально отчитывался только перед епархиальным управлением. По Брестской области на 336 зарегистрированных и действующих церквей и молитвенных домов в 1947 г. имелось 236 церковных двадцаток, церковных советов и ревизионных комиссий [1, л. 34]. Количественный состав церковных исполнительных органов состоял из 3-х членов церковного совета и 3-х членов ревизионной комиссии на каждую приходскую общину. Кроме этого при большинстве сельских приписных церквей имелись свои местные церковные старосты, а также так называемые попечители, которые вели хозяйство приписной церкви.

Начавшаяся было активизация некоторых двадцаток и ревизионных комиссий (Брест, Пинск и др.) по усилению контроля за расходованием общецерковных средств и некоторому ограничению в этом деле духовенства получила сдерживающий отпор со стороны епархиального руководства и противодействие самого духовенства через удаление из состава церковных советов и ревизионных комиссий неугодных им лиц. Наглядным примером этого может служить конфликт, произошедший в Николаевской церкви г. Бреста между бывшим настоятелем церкви священником Давидовичем и группой членов двадцатки, выступавшей против священника Давидовича и казначея церкви Бондаря на почве бесконтрольного расходования церковных денежных средств и вмешательства жены священника Давидовича в хозяйственную деятельность церкви. Конфликт начался в 1952 г., а закончился только в мае 1954 г. В ходе этого конфликта церковная двадцатка в составе 29 человек раскололась на две группы: поддерживающих священника и против него. На протяжении этого конфликта многие из двадцатки как неугодные были отстранены. Но все-таки конфликт закончился перемещением священника Давидовича из Бреста [4, л. 29].

Социально-экономические изменения, произошедшие за годы первой послевоенной пятилетки в области, безусловно, оказывали объективное влияние на положение и деятельность православной церкви. Сплошная коллективизация и организационно-хозяйственное укрепление колхозов основательно подрывали социально-экономическую базу церковных организаций на селе, значительно сужали поле деятельности духовенства и создали предпосылки для изменения отношения к Церкви и духовенству со стороны основной массы сельского населения в направлении роста равнодушия, пассивности и отхода от церковных дел.

Если в 1945–1947 гг. имели место проявления значительной активности как со стороны духовенства, так и отдельных групп верующих, направленной на расширение сети церковно-молитвенных зданий, создание новых и восстановление старых приходских общин, то позже основное устремление в деятельности Церкви было направлено на сохранение и удержание существующих приходских общин, церквей и расширение материальной базы. Так, например, Выстычский приход Брестского района считался в епархии одним из крупнейших, «богатейших» приходов. Однако церковный совет этого прихода и священник А. Рудкевич в течение двух лет не смогли собрать среди своих прихожан сумму, необходимую для ремонта церкви [5, л. 21].

В начале 1950-х гг. ситуация в религиозной сфере начала меняться в лучшую сторону. Но нельзя отрицать эффективности антирелигиозной пропаганды, под влиянием которой происходило формирование массового атеистического сознания. Если до 1950 г. каждый (даже маленький) приход стремился к тому, чтобы иметь в церкви «своего священника», то после 1950 г. с каждым годом увеличивалось количество прихо-

дов, где продолжительное время не было священников, и верующие не проявляли особого усердия, чтобы изменить данную ситуацию.

Если на 1 января 1950 г. без священников было только 2 прихода, то уже на 1 ноября 1950 г. их насчитывалось 7. Из отчета уполномоченного видно, что жители некоторых населенных пунктов не спешили подавать ему прошения направить священника в местную церковь (с. Мокрое Пружанского района, с. Гоковчицы Антопольского района и др.). Если женщины говорили, что «пусть хоть раз в месяц соседний священник отслужит обедню в нашей церкви», то мужчины-колхозники рассуждали: «Если я захочу помолиться Богу, то схожу в другую церковь, а попа содержать нам сейчас невыгодно» [5, л. 25].

На процесс коллективизации духовенство также реагировало по-разному. Нередки случаи, когда отдельные священники внешне старались проявить свою лояльность к политике коллективизации и даже выражали свое недовольство, что их не принимают в колхозы. Так, например, священник с. Верховичи Высоковского района Н. Наумов (1904 г.р., в сане священника с 1927 г.) в марте 1949 г. высказывал свое желание вступить в колхоз, жену определить счетоводом колхоза, а самому заняться садоводством или столярством, «а если нужно, говорил Наумов, то могу быть и косцом». Данный священник имел в собственности до 1949 г. 5 га хорошей бывшей церковной земли, которая затем была передана местному колхозу [5, л. 27].

Ряд священников (А. Садовский из д. Покры Брестского района; А. Михнюк из д. Радваничи Жабинковского района; И. Навродский из г. Ружаны) прямо заявили, что «коллективизация села – это развал для церкви и гибель для духовенства» [5, л. 12]. В качестве примера двуличного отношения к коллективизации можно привести священника Ф. Демидюка с. Черск Домачевского района. Он, как заявляли местные сельсоветские работники, очень активно выступал за коллективизацию. Однако из 120 дворов этого села вступило в колхоз осенью 1949 г. только 25 хозяйств, а когда потребовалось помещение для конюшни, для которой сельсовет наметил бывший церковный сарай, принадлежащий священнику, то Демидюк более месяца не освобождал его и тем самым задерживал передачу лошадей в колхоз [5, л. 19].

По сообщению соответствующих органов, имели место отдельные случаи и более прямого выступления против коллективизации. Так, священник с. Паниквы Высоковского района Т. Юрчук в начале 1949 г. служил в церкви молебны «от коллективизации» [5, л. 22]. В Антопольском районе в с. Роловчицы священник И. Стасюк проводил антиколхозную пропаганду среди своих активных прихожан и противодействовал организации колхоза [5, л. 24].

В начале 1950-х гг. вся церковная деятельность духовенства и церковных исполнительных органов в основном была сосредоточена в стенах церкви. В директивных документах советской власти говорилось о том, чтобы не нарушать принципа свободы религиозного культа, «не допускать деятельности церковных организаций, выходящей за установленные рамки», иными словами, стояла задача ограничить богословскую деятельность духовенства и церковнослужителей за стенами церкви, «ввести ограду церковную» [6, л. 7]. Это имело актуальное значение в условиях западных областей Беларуси, где сохранилась устойчивая церковная организация с широкой сетью церковных общин и сильным кадровым составом духовенства. Однако несмотря на все постановления священнослужители могли совершать требы и обряды на дому (но только по приглашению верующих) и отпевать умерших на кладбище. Церковные шествия, молебны и другие службы в общественных местах не допускались. Уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви В.А. Авласенко было дано право снимать с регистрации священнослужителей, нарушивших эти ограничения [6, л. 12]. Однако данное предписание игнорировалось многими священнослужителями. Священник

Чернянской церкви Дивинского района Г. Хведосюк венчал и крестил детей без справки ЗАГСА [6, л. 3]. Священник Н.А. Горбачук Омельянецкой церкви Высоковского района вопреки п. 6 определения Священного Синода от 25 августа 1948 г. № 18 и наперекор указанию патриарха ежегодно совершал крестные ходы для «крещеного водосвящения», освящал «пасхи» в 6 населённых пунктах под открытым небом [3, л. 72].

В связи с развернувшейся массовой коллективизацией единоличных хозяйств значительно снизилась активность духовенства области. Службы в сельской местности священнослужители проводили только по воскресным дням и большим праздникам, а в городах не более 2-х раз в неделю. Заметно уменьшилось в 1951 г., по сравнению с 1947–1948 гг. количество совершаемых треб. В качестве примера можно привести, Кобринский район, имевший наибольшее количество действующих церквей (19) и полную обеспеченность священно- и церковнослужителями в приходах. В рассматриваемый период наблюдались заметные различия в проведении религиозных обрядов по сравнению с 1947 г. Причиной такого положения являлась, во-первых, проводимая государством политика, направленная на ограничение деятельности духовенства за «стенами» церкви: запрещение крестных ходов из одного села в другое, запрещение совершения молебнов на полях, крещение детей на дому и т.д. Во-вторых, в области проводилась массовая коллективизация, которая существенно подрывала экономическую и социальную базу духовенства.

С каждым годом увеличивалось количество православных храмов, где продолжительное время отсутствовали священнослужители. Наибольшее количество пустующих приходов приходилось на 1951–1953 гг. Если на 1 января 1951 г. приходских общин без священников насчитывалось только 5, то на 1 января 1953 г. таковых насчитывалось уже 10. Некоторые священнослужители в сложившейся ситуации вынуждены были одновременно обслуживать несколько церквей и по 2–3 приходские общины: священник Сычевской церкви Брестского района Н. Залого с 1951 г. обслуживал 3 церкви и 3 приходские общины; Любищенский священник Ивацевичского района Ф. Кашеня обслуживал с 1950 г. 3 церкви и 2 общины; священник Ряснинской церкви Высоковского района В. Теняковский – 2 прихода и 3 церкви и т.д. [3, л. 3].

В начале 1950-х годов наблюдалось также снижение активности в церковной деятельности псаломщиков. Если на 1 января 1951 г. было занято в церковной деятельности 94 псаломщика, то уже на 1 января 1953 г. – 75 псаломщиков [3, л. 5].

Имелись случаи скрытого притеснения верующих. Дочь настоятеля Кругловичской церкви Ганцевичского района Н. Дзичковская в 1951–1952 гг. работала счетоводом Кругловичского сельпо. В июне 1952 г. она была уволена за «систематическое уклонение от работы». Между тем, согласно характеристике, данной ее непосредственным начальством, Н. Дзичковская являлась дисциплинированным и добросовестным работником [2, с. 57]. В с. Оздамичи Столинского района местные власти намеревались построить рядом с храмом танцплощадку. В с. Чудин Ганцевичского района рядом с кладбищенским храмом власти построили клуб. Ночью пьяная молодежь заходила на кладбище и оскверняла могилы [2, с. 58].

Показательно, что в 1950-е гг. со стороны отдельных представителей власти проявлялось демонстративное неуважение к религии и священнослужителям. Подобные факты упоминаются в отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви по Брестской области за 1951 г. В д. Опальское Ивановского района председатель колхоза Головешкин взломал замок приходского дома, который предназначался для переоборудования под школу, и ударил священника возмущенного его грубыми действиями. В 1952 г. под предлогом болезни животных ящуром Головешкин потребовал временно прекратить богослужения в приходском храме [2, с. 58]. В 1952 г. в Телеханах, по словам священника Балабушевича, подростки периодически разбивали в хра-

ме стекла, ломали церковную ограду. Милиция по данному факту никаких мер не предпринимала. В с. Огаревичи Ганцевичского района в ночь с 16 на 17 мая 1950 г. группа милиционеров совершила погром, местной церкви. Милиционеры разбили в храме стекла, разрушили памятник погибшим воинам, разбили изображение Спасителя, находившееся на кресте в часовне [2, с. 59]. В отчете уполномоченного существует осуждение такого поведения: в задачи советской власти не входило оскорбление чувств верующих и создание конфликтных ситуаций на религиозной почве.

На республиканском совещании, проходившем в Минске 14–16 декабря 1954 г., указывалось, что одна из важнейших задач – это задача «удержания Русской православной церкви на лояльных позициях» к Советской власти: правильное отношение к церковным организациям со стороны советских работников на местах, недопущение каких-либо элементов ущемления гражданских прав духовенства и других служителей культа, предвзятого и пренебрежительного к ним отношения. Однако на практике в ряде мест ещё существовало со стороны отдельных руководящих работников предвзятое, недоверчивое и пренебрежительное отношение к служителям Церкви. «Раз ты поп, то ты последний человек на селе и с твоими правами меньше всего можно считаться». Если священник или псаломщик переезжал на новое место жительства, то некоторые работники сельсоветов и районных комитетов стремились во что бы то ни стало не предоставлять квартиру вновь назначенному служителю культа в бывшем причтовом доме. В некоторых местных власти даже продавали такие дома с целью затруднить деятельность церковных организаций и служителей Церкви (Каменецкий район) [4, л. 24].

Несмотря на усилия местных властей по предотвращению распространения религиозности наблюдалось значительное оживление и рост посещаемости церквей в так называемые «большие» праздники: Рождество, Пасха, Троица и др., – а также в дни престольных праздников. Даже в такой праздник, как «весенний Юрий», в Ивановском районе колхозники не выходили на весенние полевые работы. Участились случаи выездов в сельские приходские общины благочинных и их участие в богослужениях в дни престольных праздников и местночтимых святых и икон: 16-го июня 1955 г. в д. Лыще в Логишинского района в день празднования местной чтимой иконы «Явленной Божией Матери» богослужение возглавлял благочинный Пинского благочиния В. Копычко и местный священник Доброславской церкви П. Тихоцкий [7, л. 19]. Приезд в г. Брест 21–23 мая 1955 г. митрополита Питирима и его архиерейские служения в церквях г. Бреста в сослужении 8 священников, награждённых церковными наградами, также значительно активизировало церковную жизнь в области. На Пасху все три храма г. Бреста были переполнены верующими.

К 1958 г. сравнительно ровные государственно-церковные отношения первого послевоенного десятилетия стали постепенно обостряться. На XXI съезде КПСС в январе–феврале 1959 г. активно звучала тема о необходимости разработки программы быстрого перехода советского общества к коммунизму. Н.С. Хрущев в своем докладе заявил, что одна из главных задач предстоящей семилетки – преодоление пережитков капитализма в сознании масс. Некоторые зарубежные историки (Д. Поспеловский и некоторые другие) считали, что могло существовать секретное постановление XXI съезда по уничтожению религиозных организаций в стране. В партийных верхах все больше зрели убеждения о возможности построения в СССР в скором будущем коммунистического общества, при котором не должно существовать никакой идейной оппозиции. Поэтому ответ на ее фактический рост мог быть только один – подавление, которое проявлялось, во-первых, в сокращении количества приходов и церквей, во-вторых, в подрыве материально-финансовой базы (увеличение налогов, перевод духовенства на твердый оклад, отстранение духовенства от финансово-хозяйственных дел), в-третьих, в ликвидации духовных учебных заведений. Так, что бы ослабить наплыв в духовные

учебные заведения в 1959/1960 учебном году Совет по делам Русской православной церкви предпринял ряд мер по ограничению набора. Отменялась практика приема во время учебного года. Не допускались к учебе лица с высшим и средним техническим образованием, не прошедшие обязательную военную службу. Но главным являлось усиление «объяснительной» работы местных органов власти среди лиц, изъявивших желание поступать в духовные учебные заведения. В результате в 1959/1960 учебном году в сравнении с предыдущим годом семинария была укомплектована только на 30%. В борьбу за «отрыв молодежи от семинарии» включались областные уполномоченные советы по делам Русской православной церкви, партийные и комсомольские работники, работники КГБ и военкоматов. Оказывалось давление на приходских служителей, дававшим поступающим рекомендации. Данная работа приносила ожидаемые результаты: если в 1957 г. в учебные заведения было подано 160 заявлений, то в 1958 г. – только 53, в 1959 г. – 25, в 1960 г. – 13, а в 1961 г. набор на первый курс был сорван. В отчете учебного комитета при Священном Синоде, написанном в июне 1963 г. о положении в Минской семинарии, говорилось: «Единично произошедшая задержка в приеме воспитанников в Минскую духовную семинарию оставила ее без последних... Учебный комитет почтительно ходатайствует перед Вашим Святейшеством о возбуждении ходатайства перед Советом по делам Русской православной церкви, чтобы оставить Минскую духовную семинарию на прежнем положении и содействовать в прописке поступающим в семинарию» [8, с. 275].

Эта просьба не вписывалась в планы Совета по делам Русской православной церкви. В июне 1963 г. его председатель В. Куроедов на всесоюзном семинарском заседании уполномоченных подчеркивал необходимость закрытия Минской семинарии путем недопущения желающих к учебе. В этом же году после выпуска последних пяти воспитанников семинария перестала функционировать и являлась формально закрытой. За годы существования семинарии ее закончили 165 человек.

Осуществлялось давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т.д.) посещать храмы. Однако несмотря на это в отдельных местах имели место случаи, когда дети школьного возраста регулярно посещали церковь. Так, например, от учителей Омельянецкой школы неоднократно поступали письма в исполком Высоковского районного Совета депутатов с просьбой о закрытии церкви в деревне Омельянец по следующим причинам:

1) церковь в деревне Омельянец в силу ветхости основных куполов угрожает жизни прихожанам;

2) со стороны местного священника имеют место факты нарушения существующих законов, запрещающих привлекать детей к участию в отправлении религиозных обрядов.

Однако данные факты не нашли подтверждения в ходе проверки уполномоченного по делам Русской Православной Церкви [9, л. 9].

Почти полностью были устранены факты грубого нарушения советского законодательства: служба священнослужителей под открытым небом, привлечение детей к обслуживанию алтаря, коллективное богослужение, массовые сборы продуктов для священнослужителей, крестные хождение вокруг церкви. Был решен вопрос относительно святых мест: в д. Луково Малоритского района в 1961 г. был убран камень, с которым была связана легенда о том, что на нем находится отпечаток следа Богородицы, и к нему ежегодно стекалось большое количество верующих; в д. Бушмичи Каменецкого район была разрушена каплица и срезана груша, у которой, по преданию, люди видели Богородицу, оставившую свои следы [10, л. 6].

В 1961 г. под давлением власти Архиерейский Собор рассмотрел вопрос «Об изменениях в положении об управлении Русской православной церковью», который касался 4-го раздела «О приходах». Было принято решение о разграничении обязательств

клира и исполнительных органов. Настоятели храмов отстранялись от участия в хозяйственно-финансовой деятельности общин.

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [11, с. 378], подписанное Н.С. Хрущевым. Теперь к обеспечению «контроля» в обязательном порядке привлекались местные органы власти. При райисполкомах, поселковых и сельских советах начали создаваться комиссии содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах. Зачастую их деятельность сводилась к слежке, доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь. Комиссии периодически проверяли книги учета обрядов, заявления родителей о крещении детей, приходно-расходные документы, изучали контингент верующих. Они так же оказывали помощь по внедрению «безрелигиозных» обрядов среди населения. Важным пунктом принятого постановления было разрешение закрывать молитвенные здания, снимать с регистрации священнослужителей по решениям не Советов Министров союзных республик, а областных исполкомов при условии согласования с Советами по делам Русской православной церкви и религиозных культов. Это ускорило и облегчило процедуру ликвидации храмов и снятие с регистрации духовенства. Так, например, комиссия содействия при Пинском райисполкоме, изучая религиозную обстановку в районе, столкнулась с незаконной деятельностью отдельных священников – исполнением религиозных обрядов в домах верующих. По материалам комиссии, священнослужитель Паршевичской церкви Лебедь был снят с регистрации на 3 месяца [12, л. 8]. Комиссия содействия при Брестском райисполкоме сняла с регистрации сроком на один месяц священнослужителей Брестского Святосеменовского собора Философова и Реента за совершение обряда крещения без согласия родителей [12, л. 9].

Однако несмотря на проводимую политику государства религиозность по Брестской области по состоянию на 1965 г. оставалась на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствует то, что количество обрядов крещения и похорон, хоть и не значительно. Это было связано с устойчивой религиозностью людей среднего и пожилого возраста, а также слабой научно-атеистической пропагандой, проводимой в Брестской области.

Некоторые из коммунистов не только проявляли лояльное отношение к религиозным обрядам, но и сами принимали в них участие: член КПСС, начальник планово-финансового отдела Дрогичинского производственного колхозного управления (командир батальона в годы войны) М.А. Курочкин вместе со своими братьями, также коммунистами, в апреле 1963 г. совершил обряд похорон умершей матери со священником. Партком Дрогичинского производственного управления ограничился тем, что вывел Курочкина М.А. из состава членов партии, привлек его к партийной ответственности. Население г. Дрогичина говорило о том, что «коммунисты тоже верят в Бога» [12, л. 16]. Член КПСС, заместитель секретаря бригадной парторганизации колхоза имени Кутузова Пинского района М.И. Горбач 25 января 1963 г. крестил дочь в Паршевичской церкви Пинского района. Секретарь первичной комсомольской организации Домачевского промкомбината Д.М. Скакун также крестил дочь по православному обряду [12, л. 18].

Достаточно пассивна была молодежь. Из вступающих в брак всего лишь 5,9% проводили обряд венчания. Причину такого отношения молодежи к Православной Церкви связывают с проводимой по отношению к молодежи научно-атеистической пропагандой: угрозы, письма на работу и др. Характерным отражением настроений духовенства и показателем религиозной жизни в Брестской области можно считать высказывание священника Кобринской церкви Евгения Парфенюка. На поставленный вопрос уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Брестской области

А. Иванов, «как духовенство расценивает в настоящее время своё положение, каково, по его мнению, сейчас положение православной церкви, замечает ли отход верующих от религии?» Парфенюк заявил: «Духовенство чувствует себя стеснённым в общественной жизни, оно ощущает определённую неприязнь со стороны общественной жизни. Это нам приходится переживать с чувством горечи. Православная церковь чувствует себя прочно и уверенно. Безусловно, что идёт процесс отхода части верующих от религии, но этот процесс чрезвычайно медленный. Те верующие, которые остаются в церкви, прочно стоят на религиозных позициях. Изменить мировоззрение чрезвычайно трудно, они составляют нашу опору. Я могу с уверенностью заявить, что если бы не общественное положение, то многие лица из интеллигенции (учителя, врачи, культпросветработники) посещали бы церковь.

В части исполнения религиозных обрядов населением можно сказать следующее. До того, как духовенство было отстранено от руководящей роли в приходах, до введения твёрдых окладов и введения пофамильного учета обрядов, такой обряд как крещение, составляет 99 % от всех родившихся. За период моего пребывания священником в деревне Городец я знаю только двух детей, которые не были крещены. И сейчас ко мне являются некоторые лица с просьбой совершить обряд крещения без записи в книгу обрядов, но я этого не делаю. Многие вступают в брак и не венчаются, но как только у них появляется ребёнок, его крестят. Правда, молодежи нам в церкви не хватает, но после 30–40-летнего возраста эти люди заметно начинают посещать церковь, атеистическое настроение у них выветрилось, начинают думать о загробной жизни, это и приводит их в церковь. Атеистическая пропаганда не затрагивает религиозные чувства верующих. Некоторое время тому назад и в печати, и в лекциях замечается грубый тон. Сейчас этот тон изменён. Православная церковь в настоящее время переживает недостаток духовенства. Многие выпускники духовных учебных заведений стремятся уйти на административные, преподавательские должности и в аспирантуру. В число священнослужителей их попадает незначительная часть. В настоящее время духовенство в материальном отношении чувствует себя гораздо хуже, чем до перевода на твёрдый оклад, остро ощущает 19 статью о подоходном налоге» [13, л. 4].

Заключение

Период с 1945 г. по 1953 г. – один из сложных и неоднозначных в истории Православной церкви Беларуси. Эти годы стали особым этапом в церковной жизни. На примере Брестской епархии видно, как церковно-государственные отношения напрямую зависели от изменений в государственной политике. И как только давление государства ослабло, сразу начинался процесс церковного возрождения. Это не могло не волновать атеистически настроенных руководителей советского государства и стало одной из важнейших причин развернутых Н.С. Хрущевым новых гонений на Церковь. Религия рассматривалась Н.С. Хрущевым как главный враг научного мировоззрения, а верующие – как носители чуждых взглядов и нравов. Такое отношение к Церкви обусловливалось новой политической ситуацией в государстве. Курс на победу коммунизма, провозглашенный Н.С. Хрущевым, предполагал ликвидацию религии, а Московская патриархия, как и вся Русская православная церковь, рассматривалась в известном смысле как пережиток, который должен быть устранен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1947 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 5.

2. Касцюк, В. В тисках атеизма: Православная Церковь на Брестчине в советский период / В. Касцюк // Запіскі. – 2000. – вып. 2. – 60 с.
3. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1953 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 14.
4. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1954 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 16.
5. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1950 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 9.
6. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1951 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 11.
7. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1955 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 18.
8. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; пад навук. рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
9. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1962 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 32.
10. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1961 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 30.
11. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.В. Шкаровский. – М : Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.
12. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1963 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 34.
13. Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Брестской области за 1965 г. // ГАБО. – Фонд 1482. – Оп. 2. – Д. 39.

Galimova N.P., Lavrenko L.V. Brest Eparchy: Main Aspects of Religious Life (1945-1960)

The article is dedicated to the main aspects of religious life of Brest Eparchy in 1945-1960. On the basis of archive data are determined the distinct features of Brest Eparchy's activity towards the people not only through churches and meeting houses but directly in the communities as well. The conclusion is made that this particular period of Brest Eparchy's history was quite difficult and the attitude of the state government towards the church was generally negative.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.07.2010